

Виталий КОВАЛЕВ

Чешский король Пршемысл Оттакар II и русские князья: взаимные контакты на фоне между- народных отношений в Центральной Европе второй половины XIII века

Русские земли не играли заметной роли в политике чешских правителей, что было обусловлено, в первую очередь, географической отдаленностью Чешского королевства от Руси, между которыми лежали территории Польши и Венгерского королевства. Несмотря на торговые связи между чешскими землями и Галицко-Волынским княжеством¹, в русских летописях нелегко найти известия о Чехии и Моравии, и, в свою очередь, в чешских (а также южнонемецких) анналах и хрониках нечасто встречаются упоминания о Руси и ее обитателях. Тем не менее, в их средневековой истории бывали периоды политического взаимодействия или, напротив, конфронтации – и эти эпизоды, как правило, отражались в документах. Одним из таких периодов стало правление чешских королей Вацлава I и Пршемысла Оттакара II, по времени совпавшее с правлением Даниила Галицкого и его наследников.

Главной причиной резкой интенсификации чешско-русских контактов в это время явился династический кризис в Австрии и Штирии, связанный с пресечением мужской линии местной династии Бабенбергов, что привело к ожесточенному конфликту, в который оказались вовлечены немецкие князья, правители Чехии, Венгрии и Галицко-Волынской Руси. Именно к этому времени относятся наиболее частые упоминания о Руси и русских в чешских (а также австрийских и штирийских) исторических памятниках.

Кризис начался в 1246 г., после того как в пограничном сражении с венграми на реке Лейте, одержав победу над врагом, при неясных обстоятельствах погиб не имевший мужского потомства герцог Австрии и Штирии Фридрих Бабенберг. С притязаниями на его наследие выступили соседние правители, уже давно проявлявшие интерес к подвластным Фридриху землям на юго-востоке

тогдашнего Немецкого королевства, прежде всего короли Чехии и Венгрии. Так как, согласно привилегии Фридриха Барбароссы (т.н. “Privilegium minus” 1156 г.), Австрийское герцогство могло наследоваться по женской линии², право на наследование могла дать женитьба на представительнице женской линии бабенбергской династии. Ближайшими родственниками погибшего герцога являлись его сестра Маргарита и племянница Гертруда. Именно вокруг них и связанных с ними матримониальных планов развернулись дальнейшие события, в которых принимают участие правители и подданные Галицко-Волынского княжества с одной стороны и Чешского королевства – с другой, что находит освещение в ряде известий чешских, немецких, польских и русских источников того времени.

Сразу же после гибели герцога Гертруда вышла замуж за сына Вацлава I Владислава³, который таким образом унаследовал герцогский трон. Однако уже на следующий год Владислав скончался⁴. Это на некоторое время отодвинуло чешскую кандидатуру на задний план. Тем временем появились новые претенденты: сестра Фридриха Бабенбергского Маргарита⁵ и второй муж Гертруды, маркграф Герман Баденский. Вступив в 1249 г. в Австрию, он при поддержке баварского маркграфа взял власть в свои руки, однако на следующий год, так и не утвердив свою власть в непокорном герцогстве, неожиданно умер (ходили слухи о его отравлении)⁶. После Германа остались сын Фридрих и дочь Агнесса⁷. Гертруда и на этот раз недолго оставалась вдовой. Третьим ее мужем стал в 1252 г. сын Даниила Галицкого Роман.

Известия о попытке Романа Данииловича завладеть австрийским престолом довольно скудны. Мы имеем ряд не слишком пространных упоминаний в австрийских анналах, а также в Галицко-Волынской летописи. Действовать Роману пришлось в нелегких условиях, поскольку сразу же после смерти Германа Баденского видные представители австрийской знати вновь обратили свои взоры в сторону Чехии, призвав на австрийский трон другого сына короля Вацлава I – Пршемысла Оттакара, которому спустя короткое время не столько мечом, сколько щедрыми дарами и обещаниями удалось установить свою власть в беспокойном крае. Одним из главных козырей юного чешского принца стала женитьба на сестре погибшего Фридриха Бабенбергского и вдове немецкого короля Генриха (VII) Маргарите⁸, которой к тому времени уже было около пятидесяти лет⁹.

Тем не менее у Романа Данииловича нашлись союзники как в самой Австрии, так и за ее пределами, стремившиеся не допустить

на австрийский престол чешского королевича. Главным из них был, несомненно, венгерский король Бела IV, который после гибели в бою с ним Фридриха II Бабенбергского, возможно, рассматривал бабенбергское наследство как свою законную военную добычу. Уже в 1246 г., несмотря на только что понесенное поражение, он вторгся в Австрию и Штирию. Потерпев неудачу, Бела сделал ставку на новый брак уже дважды овдовевшей Гертруды. Шансы ее были невелики, так как Маргарита имела перед ней явные преимущества. Она была старшей родственницей (теткой), королевской вдовой, в то время как Гертруда – лишь дочерью никогда не правившего Генриха из Мёдлинга и вдовой непопулярного в Австрии Германа Баденского. Несмотря на это, Гертруда по совету Белы вступила в третий за шесть лет брак – с Романом, который находился в то время при венгерском дворе¹⁰. На мотивы самой Гертруды указал венский анналист-доминиканец: “Госпожа Гертруда, вдова герцога Германа, взяла затем через посредство короля Венгрии в мужья некоего из русинов (*quendam Ruthenorum*), желая назло своей тетке завладеть землями”¹¹.

Чтобы поддержать притязания Романа, его венгерский покровитель начал новую войну. Австрия подверглась опустошительному венгерскому нашествию. Находившиеся на службе венгерского короля куманы (половцы) напали на Моравию. Не встречая сопротивления (*nulla resistente*), венгры дошли до Тульна (город на Дунае к северо-западу от Вены), захватывая в плен детей, женщин и мужчин¹². Многие были убиты¹³. Анналист из Хайлигенкройца рассказывает, что венгры опустошили монастыри, подожгли церковь в Мёдлинге, “в которой, как передают, погибли тысяча пятьсот человек”, разгромили церковь в Вальтердорфе, где также “многих поубивали”¹⁴. Прорвавшиеся в Моравию куманы перебили там “многие тысячи христиан, не щадя ни пола, ни возраста”, в том числе многих клириков¹⁵.

Двойной удар застал Вацлава и Пршемысла врасплох. В то же время действия венгерского союзника не могли прибавить популярности Гертруде и ее мужу¹⁶. Оттакар сумел организовать отпор в Австрии. Его отец был занят обороной чешских земель. Как сообщает пражский каноник, “великий страх перед куманами и прочими чужеземцами распространился среди чехов”¹⁷. Немаловажным фактором было и то, что притязания Белы IV некоторое время пользовались поддержкой римского папы. Например, в 1247 г. враждовавший с императором Иннокентий IV рассматривал венгерского короля как лучшую кандидатуру на австрийский трон, хотя права Белы представлялись более чем сомнительными

– он не был имперским князем и совершенно однозначно воспринимался в Австрии и Штирии как иноземец. Не многим больше прав, несмотря на его австрийский брак, было и у Романа Данииловича, тогда как Пршемысл Оттакар был сыном одного из князей империи. Тем не менее лишь в 1253 г. Иннокентий IV сделал окончательный выбор, признав Оттакара австрийским герцогом¹⁸. После этого Бела мог рассчитывать лишь на себя и своих ближайших родственников.

Он попытался создать широкую коалицию, в которую вошли Даниил Галицкий, Болеслав Стыдливый – краковский князь, женатый на Кинге, дочери Белы, и Владислав Опольский¹⁹. Война возобновилась. Главный удар венгерского войска опять пришелся на Моравию, где в районе Оломоуца куманы и “другие разбойники” перебили “многие тысячи христиан”. Это был передовой отряд, за которым пришел сам “король Венгрии... с неисчислимым множеством своих и других народов”. Источник сообщил, что “многие укрепления, которыми они смогли овладеть, они опустошили и сожгли, церковные колокола и реликвии из разбитых алтарей захватили и увезли с собой, обратив церкви в пепел, надругались над церковными святынями, распяли на крестах множество людей в поношение распятия”²⁰.

Польско-русские союзники Белы IV, в свою очередь, разорили окрестности Опавы, взяли город Насидель (в русской летописи “Насилье”) и добились подчинения замка Герборта Фульштейна²¹. У галицко-волынского летописца, подробно описавшего поход (в том числе – успешную оборону Опавы чешским “воеводой Андреем”), это деяние Даниила вызвало восхищение. Участие галицкого князя в кампании он объяснял, помимо прочего, его стремлением к славе: “не бе бо в земле Русцееи первее иж бе воевал землю Чышьскоу ни Святослав хоробры, ни Володимир святыи...”²². Сходные мотивы звучат и в описании возвращения Даниила из похода: “Оттоуда же проиде землю Соудомирскую и приде во град Холм с честью и со славою в дом Пречистое пад поклонися и прослави Бога о бывшем не бе бо никоторый князь Роуский воевал земле Чешское и видеся со братом своим и быс в радости велице...”²³. Однако, судя по реакции чешской стороны, результаты польско-русского похода были более чем скромными: в Пражских анналах, чешской летописи той эпохи, о нем не говорится ни слова (тогда как венгерско-половецкое вторжение в Моравию написано самыми черными красками). Правда, осенью 1255 г. Пршемысл в письме краковскому епископу Прандоте требовал возвращения или выкупа пленных, захваченных поляками²⁴.

В конечном итоге Бела потерпел поражение. Проникший в венский замок Роман Даниилович еще в 1252 г. был осажден там Пршемислом и, бежав, “вернулся на родину, недостойным образом бросив свою жену”²⁵. Папа после нашествия венгров на Моравию в 1253 г. поспешил прислать своего легата, который, “прибыв к королю Венгрии, усмирил его и принудил вернуться на родину”²⁶. В апреле следующего года римский понтифик поручил неаполитанскому архиепископу Бернарду посредничать в заключении мира между Белой и Оттакаром²⁷. Впрочем, уже 3 апреля в Буде представители Пршемисла и Белы обговорили условия мира, которые 1 мая были подтверждены королями, прибывшими в Прессбург (Пожонь, Братиславу)²⁸. Мир был компромиссным. Австрия и часть Штирии остались у Оттакара, однако другая часть Штирии, более значительная по размерам, оказалась в руках венгерского короля²⁹. Что же касается Романа Данииловича, то он остался ни с чем.

Вновь столкнуться с русскими князьями Пршемислу Оттакару довелось шесть лет спустя, когда немецкое рыцарство Штирии подняло восстание против венгерской власти и призвало на помощь правителя Чехии (Оттакар стал им в 1253 г. после смерти своего отца). В решающей битве у селения Крессенбрунн на границе Австрии и Венгрии (12 июля 1260 г.) Пршемисл одержал полную победу над противником³⁰.

Об участии в сражении русских князей мы узнаем из послания самого Пршемисла римскому папе, которое является основным источником, повествующим о битве. Оно было вставлено в свое повествование автором т.н. Оттакаровых анналов (входящих в Пражские анналы). При рассмотрении письма чешского короля следует иметь в виду, что подобные адресованные римскому первосвященнику сообщения о битве между христианскими правителями нередко носили объяснительный и оправдательный характер. Данная тенденция отчетливо просматривается и в письме Оттакара, который в первую очередь стремится подчеркнуть нехристианский или “не вполне” христианский состав разгромленного им войска (аналогичное стремление характеризует и чешских анналистов: автор Оттакаровых анналов несколько раз противопоставляет венграм и куманам “христианское войско” чешского короля, о “гибели многих тысяч венгров и прочих сарацин” сообщается в основном тексте Пражских анналов³¹). Перечисляя своих противников, Оттакар писал папе, что он сражался “против Стефана и Даниэля, короля Руси, и его сыновей и других рутенов и татар, которые пришли ему на помощь, и князя Болеслава Кра-

ковского и молодого Лешка Ленчицкого, и бесчисленного множества бесчеловечных людей (*inhumanorum hominum*) – куманов и венгров и различных славян, сикулов и валахов, бесерменов и исмаилитов, а также схизматиков, а именно болгарских, русских и боснийских еретиков”³².

При чтении данного отрывка трудно не заметить, что три католических правителя буквально теряются среди множества язычников и “схизматиков”, многих из которых вообще не было под Крессенбрунном (например, татар), а роль других не могла быть велика. Известно, например, что Даниил Галицкий прибыл к Беле IV в 1259 г., во время нашествия на Галицко-Волынскую Русь и Малую Польшу татар Бурундая (1259-1260). Его брат Василько и сын Роман были вынуждены принять участие в татарском походе на Польшу. Будучи скорее гостем Беле IV, Даниил вряд ли мог располагать серьезными силами. То же можно сказать и о краковском князе, владения которого только что подверглись нападению татар³³. Поэтому упоминание чешским правителем “короля Руси” скорее всего должно было подчеркнуть силы его врагов и “схизматический” характер части неприятельского войска, победа над которым, как позволяют судить некоторые источники, была одержана не самым честным путем: вопреки заключенному перемирию, Оттакар неожиданно атаковал венгров и их союзников во время переправы, чем, похоже, и объясняется его успех в этом сражении. В упоминании о Данииле интересно также то, что Оттакар называет его “королем”. Это может быть косвенным указанием на признание им факта королевской коронации галицкого правителя (не следует забывать, что письмо адресовано папе), хотя могло быть продиктовано и вполне понятным стремлением продемонстрировать значимость одного из своих противников. Так иногда поступали западные (например, немецкие) анналисты и хронисты, нередко называвшие русских князей королями. Однако следует иметь в виду, что в данном случае перед нами славянский памятник, авторы которого (как сам Оттакар, так и составитель анналов) прекрасно ориентировались в титулатуре славянских правителей. Характерно, что в тех же Пражских анналах Пршемысла Оттакара, унаследовавшего чешский престол от носителя наследного королевского титула, упорно называют “князем” вплоть до его королевской коронации, совершенной уже после Крессенбрунского сражения, и именно так сам Оттакар называет себя в письмах к римским первосвященникам.

В дальнейшем Оттакару уже не приходилось сталкиваться с галицко-волынскими князьями, по крайней мере они и их поддан-

ные лишь изредка и довольно глухо упоминаются в доступных нам источниках, причем иногда имеют место явные недоразумения, связанные с интерпретациями содержащихся в них известий. Так, рассказывая о последовавших за заключением венгерско-чешского мира брачных торжествах (свадьбе младшего сына Белы IV герцога Белы и племянницы Оттакара дочери Отто Бранденбургского Кунегунды), чешский историк Ф. Тадра вслед за Ф. Палацким называет в числе гостей с венгерской стороны Даниила Галицкого и Стефана Уроша с сыновьями Милутином и Драгутином³⁴. Присутствие на этой свадьбе русского короля (умершего в 1264 или 1266 г.) представляется совершенно невероятным. Даже если принять во внимание, что в источниках (довольно поздних немецких хрониках Оттакара Штирийского и Леопольда Штайнройтера) свадьба герцога Белы и Кунегунды, по-видимому, смешалась с более ранним событием (заключением Венского мира 1261 г.), речь в них не идет о Данииле: под титулом *kunic von Razen / chunig von Rassen*, неверно прочитанном рядом исследователей как “король Руси”, скрывался правитель сербской Рашки (то есть все тот же Стефан Урош)³⁵.

Еще одно упоминание Руси в связанных с Оттакаром памятниках можно обнаружить в направленном ему в 1264 г. послании Урбана IV, который в разгар восстания пруссов против Тевтонского ордена (началось в 1260 г.) обратился к чешскому королю, увещевая его сразиться с русскими «схизматиками» и литовцами, которые «вместе с татарами» угрожают Польше и Пруссии. При этом папа разрешал Пршемыслу оставить себе завоеванные у врага земли³⁶. Интересно, что в этом письме папа объединяет литовцев, русских и татар в своего рода “антикатолический блок”. Возможно, это отражает потрясение от событий 1259-1260 гг., когда за нашествием татар, которым были вынуждены помогать галицко-волинские князья, последовали разгром литовцами войск Тевтонского ордена у озера Дурбе и неожиданное выступление пруссов, в руках которых оказались многие орденские замки.

Оттакар выступил на помощь Ордену лишь зимой 1267-1268 г., однако ни с литовцами, ни, тем более, с татарами и русскими так и не сразился. Это не помешало ему впоследствии выставлять себя в своей пропаганде “щитом христианства” – в том числе и против “схизмы”. Примером обращения к этой теме является письмо королевского приближенного, епископа Оломоуцкого Бруно Шауэнбургского от 16 декабря 1273 г., в котором тот, стремясь заручиться поддержкой Святого престола, убеждал папу Григория X, что вся тяжесть борьбы с язычниками и схизмой лежит на чешс-

ком короле³⁷. Аргументация оломоуцкого епископа вряд ли оказалась пале убедительной, тем более что основания для этого заявления были явно недостаточными – ни о какой целенаправленной борьбе Оттакара со “схизматической” Русью говорить не приходилось (хотя с разорявшими его владения язычниками-половцами он действительно бился неоднократно). Тем не менее, в чешской поэме “Александреида” (конец XIII – начало XIV в.) при проведении параллели между деяниями Александра Великого и подвигами неназванного по имени чешского короля нашлось место и для русских, упомянутых при перечислении народов, с которыми сталкивался (или мог столкнуться) в бою Оттакар:

...leč bud' Litva, leč Tateři (...),
Besermene nebo Prusi,
leč nepotvrzeni Rusi...³⁸

Примечательно, что средневековый чешский поэт смотрит на Русь как на не вполне христианскую страну: русские для него “nepotvrzeni”, то есть неподтвержденные, сомнительные христиане. Трудно сказать, насколько верил в это сам Оттакар, женатый на дочери одного из русских князей, но, похоже, используя в своей пропаганде образ “схизматической” Руси, он также внес вклад в формирование подобных представлений.

Последние по времени упоминания Руси в памятниках правления Оттакара связаны с его конфликтом с немецким королем Рудольфом Габсбургским и битвой на Моравском поле (1278), в которой правитель Чехии был разгромлен и нашел свою смерть. Каринтийский хронист XIV в. Иоганн Виктрингский среди тех, кто пришел с Оттакаром, называет не только чехов, поляков, саксонцев, мейсенцев, мораван и тюрингенцев, но также, причем на первом месте, “Leonum, Ruthenorum regem”³⁹, то есть Льва Даниловича Галицкого. Данное сообщение Иоганна позаимствовано из хроники Оттакара Штирийского⁴⁰. Об участии русских в битве (но уже на стороне Рудольфа) сообщается также в продолжении т.н. Хроники Великого Пресвитера, где они выступают среди “различных варварских народов” под именем “Brutheni”⁴¹. А.В. Флоровский находил последнее сообщение гораздо более правдоподобным⁴², но тогда остается неясным, почему о таком знаменательном факте, как помощь Рудольфу со стороны русских, умолчали другие источники.

Крайне любопытное известие о контактах Оттакара с Русью содержится в таком итальянском памятнике, как «Деяния императоров и понтификов» Фома Тосканца. Его автор, рассказывая о кознях Оттакара против Рудольфа в 1276 г., сообщает, что тот

«пытается со многими знатными людьми Аламании готовить мятеж, призывает себе на помощь рутенов (Brutenos) и неверных, но промыслом Божиим из-за возникших между рутенами и влахами (Brutenis et Blacis) раздоров король Богемии обманывается в своих замыслах»⁴³. Это сообщение можно истолковать в том смысле, что влахи не позволили русским прийти на помощь чешскому королю (во всяком случае так склонны рассматривать данный эпизод некоторые румынские историки). К сожалению, других сведений, подтверждающих это известие, не имеется, однако следует признать, что в сочетании с упоминаниями «Льва, короля Руси» в немецких памятниках начала XIV столетия оно, возможно, указывает на какие-то контакты между Оттакаром, упорно искавшим союзников после перехода своих немецких подданных на сторону Рудольфа, и правителями Галицкой Руси. Возможно, это было предвестием будущего дипломатического сближения между галицким и пражским дворами, имевшего место в правление сына Оттакара Вацлава II⁴⁴.

Таковы основные известные эпизоды контактов чешского короля с правителями Галицко-Волынского княжества. Следует отметить, однако, что отношения Пршемысла Оттакара с русскими этим не ограничились. Еще одной страницей чешско-русских отношений этой эпохи стал его «русский» брак. После победы над венграми в 1260 г. он, расставшись со своей немолодой женой, женился на внучке Белы IV Кунегунде (чеш. Кунгута) от любимой дочери венгерского короля Анны. Этот матримониальный союз ознаменовал кратковременное улучшение отношений Пршемысла с правителем Венгрии, вынужденным после Крессенбрунна признать гегемонию чешского князя и австрийского герцога в тогдашней Центральной Европе.

Отцом Кунгуты был русский князь Ростислав Михайлович, сын Михаила Черниговского. Еще в 1243 г. Ростислав, потерпев неудачу в борьбе с Даниилом Галицким, бежал от татар в Венгрию (там же пытался в 1245 г. найти убежище его отец, но, получив отказ от Белы IV и собственного сына, вернулся на Русь и вскоре был убит в Орде)⁴⁵. В том же 1245 г. Ростислав с помощью Белы, с которым, вероятно, уже успел породниться⁴⁶, попытался вновь утвердиться в Галиче, но потерпел поражение под Ярославом, после чего навсегда осел в Венгрии. Вскоре после этого, он, вероятно, участвовал в битве на Лейте, положившей начало династическому кризису в Австрии. Загадочные обстоятельства гибели в этом сражении герцога Фридриха Бабенбергского вызвали ряд противоречивых слухов⁴⁷. Наиболее интересным для нас является

известие Кёльнских анналов, согласно которым австрийский герцог пал от руки “короля Руси” (regis Rusciae)⁴⁸. А.Ф. Флоровский предполагал, что загадочным “королем Руси” мог быть именно Ростислав Михайлович⁴⁹. Однако если участие последнего в сражении кажется вполне возможным⁵⁰, убийство им герцога представляется весьма сомнительным, поскольку если бы Фридрих погиб от руки русского князя – пусть даже изгоя, каким был Ростислав, – галицко-волинский летописец вряд ли бы преминул отметить это любопытное обстоятельство, между тем как он недвусмысленно констатировал, что Фридрих “оубьен быс от своих бояр во брани”⁵¹. Глухие полунамеки австрийских анналистов также позволяют предположить, что причиной гибели герцога стал отнюдь не чужеземец⁵².

Бела весьма благоволил своему зятю, который титуловался “баном всей Славонии”, “баном Мачвы” и даже выступал с претензиями на болгарскую корону⁵³. Все детали его биографии вряд ли были известны современным чешским и немецким анналистам, которые путались, пытаясь установить, кем же был отец Кунгуты (“король Руси” Ламбахских анналов, “князь Болгарии” Пражских анналов, “король в Мачве” Збраславской хроники)⁵⁴.

Свадьба Пршемысла была отпразднована в Пожони 25 октября 1261 г. 23 декабря Кунгута торжественно въехала в Прагу, и на Рождество 1261 г. состоялась долго откладывавшаяся королевская коронация Пршемысла, которая была осуществлена майнцким архиепископом Вернером в присутствии шести епископов (пражского, моравского, пассауского и двух из Пруссии – кто был шестым, пражский анналист не сообщает), а также маркграфа Бранденбургского с семьей и союзных Пршемыслу польских князей⁵⁵. Так внучка черниговского князя-мученика, причисленного к лику святых, сделалась королевой Чехии, супругой самого могущественного в то время князя Священной Римской империи.

Второй брак Оттакара был во многих отношениях удачным. Более тесными сделались отношения с Венгрией, родственники Кунгуты при венгерском дворе стали сторонниками чешского короля. Королева родила пятерых детей: дочерей Кунгуту (о ее крещении Пражские анналы сообщают под 1265 г.)⁵⁶ и Агнессу (чеш. Анешка; родилась 5 сентября 1269 г.)⁵⁷, а также долгожданного наследника, будущего короля Вацлава II (1271 г.), и двух других мальчиков, умерших во младенчестве. Трудно сказать, придавал ли Вацлав, став королем, значение своему отчасти русскому происхождению – подобные сантименты редко бывали свойственны людям средневековья, а отношения сына и матери складывались

непросто. Во всяком случае, не этот факт обусловил уже упоминавшееся сближение с галицким двором (гораздо существеннее были прагматические соображения, связанные с борьбой за польскую корону, с притязаниями на которую выступил сын Оттакара). Сама королева Кунегунда Ростиславна играла довольно заметную роль во внутренней жизни и внешней политике Чешского королевства – как при жизни мужа, так и после его смерти, – однако это является совершенно самостоятельным сюжетом, требующим более основательного изложения.

Подводя итоги, можно сказать, что в отношениях чешского короля и его русских контрагентов играли роль довольно разнообразные мотивы: родственные связи и союзнические отношения с венгерским королевским домом и польскими князьями, прагматические расчеты и соображения престижа. При этом конфессиональный фактор, в XIII столетии приобретающий все большее значение, ни в коей мере не являлся решающим. Особенно отчетливо это прослеживается в политике русских князей, активно сотрудничавших с католическими правителями Польши и Венгрии. В отличие от них Оттакар пытался порой приписывать своей деятельности конфессиональные мотивы (в частности, в корреспонденции с римскими папами), однако вряд ли он воспринимал проблему конфессионального раскола так же серьезно, как его адресаты, и при случае (например, если верны известия о его отношениях со Львом Даниловичем) вполне мог найти общий язык с князьями Юго-Западной Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Они подтверждаются в частности нумизматическим материалом. См.: Соболева Н.А. К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. // Вестник МГУ. 1967. № 2.
2. Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum (MGH. Constitutiones). T. I. Hannoverae, 1893. T. I. N 159. P. 222.
3. Исследователь чешско-русских отношений А.В.Флоровский считал, что этот брак был заключен в соответствии с планами погибшего герцога (Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Т. 1. Прага, 1935. С. 215).
4. Continuatio Praedicatorum Vindbonensium // Monumenta Germaniae historica. Scriptores (далее: MGH Ss). T. IX. Hannoverae, 1850. P. 727; Kosmova letopisu českého pokračovatelé // Fontes rerum Bohemicarum (далее: FRB). T. II. Praha, 1874. P. 286.

5. *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*. P. 727; *Continuatio Garstensis* // MGH Ss. T. IX. P. 598.
6. *Ibidem*; *Continuatio Lambacensis*//MGH Ss. T. IX. P. 559; *Continuatio Garstensis*. P. 599; *Continuatio Sancrucensis* // MGH Ss. T. IX. P. 642.
7. В некоторых источниках она выступает как Мария (*Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*. P. 727.). На самом деле так звали дочь Гертруды и Романа Даниловича (Баумгартен Н. Вторая ветвь князей Галицких. Потомство Романа Мстиславича // *Летописи историко-родословного общества*. Т. 5. В. 1 (17). Москва, 1909. С. 13).
8. *Continuatio Sancrucensis*. P. 727; *Continuatio Garstensis*. P. 599; *Annales S. Rudberti Salisburgenses* // MGH Ss. T. IX. P. 792; *Continuatio Lambacensis* // MGH Ss. T. IX. P. 559; *Continuatio Zwettlensis III* // MGH Ss. T. IX. P. 655; *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 289.
9. Szymczak J. *Przemysl Ottokar II, król czeski* // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia*. VIII. Nauki humanistyczno-społeczne. Z. 54. 1973. S. 80.
10. *Continuatio Garstensis*. P. 599; *Continuatio Sancrucensis II*. P. 643. Гарстенский анналист называет Романа “*rex Rusciae*”, так же именует его анналист из Хайлигенкройца.
11. *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*. P. 727. Ср.: *Continuatio Sancrucensis II*. P. 643.
12. *Ibidem*.
13. В Цветтленских анналах сообщается о невероятном числе жертв: “более чем сто тысяч” (*Continuatio Zwettlensis III*. P. 655)
14. *Continuatio Sancrucensis II*. P. 643. Другие известия о нападении венгров на Австрию: *Annales S. Rudberti Salisburgenses*. P. 792; *Continuatio Lambacensis*. P. 559.
15. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 290.
16. Вторжение венгров произвело большое впечатление на современников: приводимые ими детали выходят далеко за рамки стандартных клише типа “*vastaverunt*”, “*incendiis et rapinis*”.
17. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 291.
18. Novotný V. *České dějiny*. D.I/4. *Rozmach české moci za Přemysla Otakara II*. Praha, 1937. S. 849.
19. Флоровский А.В. Указ. соч. С. 223-225.
20. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 291.
21. *Rocznik kapitulny i rocznik krótki* // *Monumenta Poloniae Historica*. T. II. Lwów, 1872. P. 805; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стб. 821-826; Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. Москва, 1987. С. 171 (...Знаменитые князья краковский Болеслав и опольский Владислав со своими, а также русскими войсками опустошили огнем и мечом опавскую землю, которую ранее занял король Богемии Пшемислав). обстоятельный разбор известий о

- походе Даниила см.: Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Москва, 1959. М. 257.
22. ПСРЛ. Т. II. Стб. 821.
23. Там же. Стб. 826.
24. *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae* (далее: CDB). T. V. Fasc. 1. (1253-1266). Praha, 1974.
25. *Continuatio Praedicatorum Vindbonensium*. P. 727. Ср.: *Continuatio Sancrucensis II*. P. 643; ПСРЛ. Т. II. Стб. 175.
26. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 291.
27. CDB. T. V. Fasc. 1. N 20. P. 57-58; N 22. P. 61-62.
28. Marsina R. Přemysl Otakar II. a Uhorsko // *Folia Historica Bohemica*. I. 1979. S. 42.
29. См.: CDB. T. V. Fasc. 1. N 21. P. 59-60.
30. *Continuatio Sancrucensis II*. P. 644; *Continuatio Lambacensis*. P. 560; *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*. P. 728; *Annales S. Rudberti Salisburgenses*. P. 795; *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 297. Наиболее подробное изложение хода битвы содержится в так называемых “*Annales Otakariani*”: Ibid. P. 315-318.
31. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*. P. 310-315; Ibid. P. 297.
32. Ibid. P. 315-316.
33. См.: Щавелева Н.И. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // *Восточная Европа в древности и средневековье*. Москва, 1978. С. 307-315.
34. Tadra F. Kulturní styky Čech s cizinou. Praha, 1897. S. 118.
35. Mika N. Czy król Rusi Halickiej Daniel był obecny przy zawieraniu pokoju wiedeńskiego w 1261 r.? Z dziejów stosunków rusko-austriackich w sredniowieczu // *Wartalnik Historyczny*. R. CV. 1992. N 2. S. 3-15.
36. *PreuBische Urkundenbuch. Politische Abteilung*. Bd. I/2. Königsberg, 1909. N 222. S. 166-167; *Vetera Monumenta Poloniae et Lituaniae*. T. I. Roma, 1860. N 149. P. 77.
37. CDB. T. V. Fasc. 2 (1267-1278). Praha, 1981.
38. [Važný V.] *Alexandreis*. Praha, 1947. S. 117-118.
39. *Johannes Victoriensis* // *Fontes Rerum Germanicarum*. T. I. Stuttgart, 1843. P. 309.
40. *Ottokars österreichische Reimchronik* // MGH. *Deutsche Chroniken*. Bd. V/1. Hannover, 1890. V. 15234.
41. *Chronicon Magni Presbyteri Continuatio* // MGH Ss. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 536.
42. Флоровский А.В. Указ. соч. С. 254.
43. *Thomae Tusci Gesta Imperatorum et Pontificorum* // MGH Ss. T. XXII. Hannoverae, 1872. P. 525.
44. История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1988. С. 30.

45. Флоровский А.В. Указ. соч. С. 240-241.
46. Если Кунгута родилась в 1245-1246 гг., ей в год свадьбы было бы 15-16 лет.
47. Под 1246 г. анналист из Зальцбурга записал: "Герцог Австрии, то ли своими, то ли врагами, что неясно, был убит. Войско его, однако, одержав победу, вернулось домой"(Annales S. Rudberti Salisburgenses. 789).
48. Annales S. Pantaleoni Coloniensis // MGH Ss. T. XVII. Hannoverae, 1861. P. 541.
49. Флоровский А.В. Указ. соч. С. 213.
50. Сообщения об участии русских в битве на стороне Бела IV имеются и в других источниках: Continuatio Lambacensis сообщает о "rege Comanorum et rege Ruscie" (P. 559), а Annales S. Rudberti Salisburgenses о "Brusie et Ruscie regibus" (P. 789).
51. ПСРЛ. Т. II. Стб. 820.
52. В Ламбахских анналах сообщается: "Сам Фридрих, одержав эту победу, странным образом пал на войне" (Continuatio Lambacensis. P. 559). В Мелькских: "Не знаю почему, жалостным образом был убит" (Continuatio Melicensis // MGH Ss. T. IX. P. 508). Другие австрийские памятники, как правило, ограничиваются одним лишь сообщением о гибели герцога (Continuatio Garstensis. P. 508; Continuatio Sancrucensis II. P. 642; Continuatio Zwettlensis. P. 789).
53. Флоровский А.В. Указ. соч. С. 241.
54. Continuatio Lambacensis. P. 560; Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 297; Petra Žitavského kronika Zbraslavská // FRB. T. IV. Praha, 1884. P. 59.
55. Kosmova letopisu českého pokračovatelé. P. 297.
56. Ibid. P. 299.
57. Ibid. P. 300.